

Содержание

Пролог. Девочка из санатория «Бодрость».....	6
Глава 1. Город в сосновом бору.....	11
Глава 2. Лось, Хоккеист, Кузя и Тимоха	20
Глава 3. Практик с ученой степенью	31
Глава 4. Жить лучше без друзей.....	44
Глава 5. Бизон исчезает.....	56
Глава 6. Молодой капитан.....	65
Глава 7. Человек с ружьем	72
Глава 8. Предприимчивый милиционер.....	78
Глава 9. Елена, Любовь, Светлана, Нина, Наталья	91
Глава 10. Дежурный вопрос.....	103
Глава 11. Служебный роман.....	115
Глава 12. Вырастить мужика	127
Глава 13. В какую грязь все превращается	135
Глава 14. Вперед, Черный плащ	148
Глава 15. Стащить женщину с пьедестала.....	159
Глава 16. Меланхолия.....	170
Глава 17. Запах водки.....	175
Глава 18. Соседями характеризуется положительно	188
Глава 19. За доблесть в службе.....	204
Как делалась эта книга.....	215
Интервью с Михаилом Попковым.....	221
Благодарности.....	250
Дело «ангарского маньяка». Хроника	251
Источники.....	259

Девочка из санатория «Бодрость»

Лето 1997 года пятилетняя Наташа Горелина проводила в санатории для дошкольников «Бодрость», который располагался прямо в ее родном Ангарске, двухсоттысячном сибирском городе в 40 километрах от Иркутска. Родители навещали ребятишек не чаще раза в неделю — и все ждали этого момента с большим нетерпением.

«Помню, что ко всем детям родители приходили, а ко мне мама в какой-то момент приходит перестала, — рассказывает 28-летняя Наталья, стоя у подъезда четырехэтажки в Ангарске, где она живет теперь. — А потом пришла моя молочная мама Оля, которую я не видела с тех пор, как она перестала кормить меня грудью, и забрала меня».

Наташу отвели домой. В квартире было много людей, все плакали. Когда девочка спросила, где мама, ей сказали, что «она навсегда уехала и теперь будет жить в красном домике». По словам Натальи, тогда она вообще не знала, что такое смерть.

«Потом было жуткое прощание: маму почему-то хоронили в открытом гробу, и меня поднесли к нему, чтобы я попрощалась, — подняли и показали. Она хоть и была накрашена, но все равно синева и зелень проступали. Я офигела и как драпанула оттуда, что меня догнать не могли», — вспоминает Наталья и одновременно машет своей двухлетней дочери, которая наблюдает за нами через окно квартиры на первом этаже.

Воспоминания о событиях, которые случились, когда тебе было пять лет, всегда обрывочны. Но еще одну сценку Горелина помнит очень ясно: она, как взрослая, сидит на переднем сиденье милицейской машины и показывает, какой именно дорогой мама водила ее в детский сад.

О том, что маму зверски убили, Наташа узнает только спустя несколько лет.

Днем 17 июня 1997 года 26-летняя Татьяна Горелина вместе с подругой Натальей пошла на городской рынок, где купила себе спортивный костюм, футболку, шлепанцы и колготки, а потом — домой, чтобы обмыть обновки. Подруга ушла около шести вечера, а еще через несколько часов Татьяна, надев новый костюм и купив две бутылки пива, поехала в гости к двоюродной сестре.

Около полуночи Горелина засобиравалась домой. Трамваи уже не ходили, на такси у Татьяны денег не было, и сестра вызвалась ее проводить. По дороге они купили еще банку пива, немного посидели на лавочке возле магазина и разошлись. Уже в квартире Татьяна переобула кроссовки, сменив их на белые сабо, и снова вышла на улицу.

По словам подруг, а также двоюродных сестры и брата Горелиной, Татьяна регулярно тормозила на дороге машины неизвестных ей мужчин и за деньги занималась с ними сексом. Своим знакомым она говорила, что ей нравится такая «веселая» жизнь и случайные связи с мужчинами — особенно «с высокими, спортивными и общительными по характеру». Девушка даже вела специальный дневник, в котором записывала имена всех мужчин, с которыми она занималась сексом, — когда тетрадь нашли оперативники, в ней было около 70 имен; напротив каждого из них стояли дата или даты и количество встреч.

Татьяна гуляла одна по центру города, когда рядом остановилась машина. За рулем сидел темноволосый мужчина 30 лет, который предложил подвезти девушку до дома. Когда она согласилась, незнакомец спросил, не хочет ли она выпить с ним пива и отдохнуть за городом. Горелина не возражала.

Машина выехала на объездную трассу, свернула на небольшую проселочную дорогу, которая шла вдоль линии электропередачи, и остановилась в небольшом лесу. Едва припарковавшись, водитель предложил Горелиной заняться сексом. Девушка сняла брюки и легла на заднее сиденье, но сразу предупредила, что на анальный секс не согласна. Мужчина на эти слова никак не отреагировал, а потом в какой-то момент ввел член в ее анальное отверстие. Тогда Татьяна со всей силы ударила его по лицу.

Мужчина резко вышел из машины, достав из-под сиденья топор. Он вытащил Татьяну на воздух, швырнул на землю, а потом трижды ударил ее топором по голове и один раз в плечо. И уехал.

Два дня спустя грузовик КамАЗ свернул с объездной дороги в Ангарск на грунтовку, чтобы выбросить в канаву мусор. Остановившись, водитель увидел труп женщины; рядом валялись совсем новые, только что купленные мастерка с надписью «Adidas» и голубые спортивные брюки, а еще затемненные очки в золотистой оправе. На ногах у девушки были белые сабо.

Родственники опознали Горелину неделю спустя.

В своем инстаграме дочь Горелиной Наталья Малкина недавно выложила фотографию мамы. Они очень похожи: обе высокие, фигуристые, с густыми волосами. Искать отца Малкина никогда не пыталась, да и вряд ли бы смогла — его адрес и фамилию знала только мама, дочери она рассказывала исключительно романтическую историю их знакомства и расставания: Татьяна Горелина поехала на практику в Санкт-Петербург, где

закрутила роман с моряком, который вскоре уехал в дальнее плавание, а когда вернулся — беременную Таню уже сплывили его родственники, сообщив, что ребенка она нагуляла в его отсутствие. «От отца у меня осталось одно письмо, в котором он пишет, как меня назвать, — рассказывает Наталья. — То есть о моем существовании он знал — была бы я ему нужна, сам бы меня нашел».

С мамой они жили очень бедно. Татьяна не могла устроиться на работу, ей часто нечем было платить за детский сад, поэтому Наташа регулярно их меняла. Помогать тоже было особенно некому: Горелина росла сиротой. Семью выручали двоюродная бабушка и троюродный дядя; они же в итоге и воспитали Наташу.

«Я почему-то помню, как спрашивала у мамы, есть ли у луны ручки, ножки, глазки, реснички и бровки, — продолжает Малкина. — А она мне в ответ: “Да отстань ты от меня! Лысая она!” Помню, как мама курила в форточку и говорила, что если когда-нибудь узнает, что я курю, то все мне повырывает». Еще одно воспоминание, как однажды летом они поехали в Иркутск, купили в большом магазине платье и туфли, а потом пошли в гости к одной из троюродных бабушек. На следующий день мама рано утром куда-то ушла, а вернулась с короткой стрижкой. Наташа потом еще долго не могла к ней привыкнуть и даже пугалась — ведь она так любила мамины длинные темные волосы. Сейчас Малкина понимает, что, скорее всего, Татьяне пришлось их продать — денег им катастрофически не хватало.

«Мама очень хотела найти себе мужчину, — говорит Малкина. — Не думаю, что она искала каких-то разовых встреч, тем более что она искала мужчину на дороге, как говорили ее знакомые. Она хотела серьезных отношений и финансовой поддержки».

До 14 лет Наташу воспитывал дядя — за это время, по словам Малкиной, у нее сменилось больше десяти «мам». С одной из них отношения не сложились совсем, и Наташу отправили к бабушке.

В 15 лет девушка начала курить; в 18 стала жить самостоятельно. После школы отучилась на бухгалтера, потом вышла в первый раз замуж и родила сына.

«В детстве — мне тогда было лет 10–12, наверное, — я написала убийце моей мамы письмо, — признается Малкина. — Я представляла, как он сидит за решеткой, а я ему его зачитываю. Я думала, что ему станет меня очень жалко, что он будет плакать от того, как мне было плохо, что я смогу до него достучаться».

Город в сосновом бору

Начиная с середины 1990-х годов в Ангарске регулярно находили изуродованные трупы молодых женщин. Чаще всего их обнаруживали недалеко от объездной дороги: по обе стороны трассы «Байкал», огибающей Ангарск на юго-востоке, густой сосновый лес, который изредка прерывается небольшими опушками или съездами в сторону заводов, дачных кооперативов и железнодорожных станций. Вдоль трассы и тогда, и сейчас стоят женщины, которые предлагают водителям секс за деньги.

Эта дорога мало изменилась за те два с лишним десятка лет, что прошли с момента ее постройки, — разве что где-то выросли горы мусора, а где-то перекопали грунтовку. Если вас интересуют места, где совершал свои убийства человек, который однажды ночью предложил подвезти до дома Татьяну Горелину, с объездной дороги приходится съезжать каждые три-четыре минуты. В траве обнаруживается еле заметная колея, а через пару сотен метров — не видный от дороги пролесок или небольшое углубление между деревьями, где в темное время суток уже с небольшого расстояния не разглядишь не то что людей, а и припаркованную между соснами машину.

Преступник, которого потом окрестили ангарским маньяком, хорошо ориентировался в этих местах — в лесах у объездной дороги и у реки Китой он любил собирать грибы. На участке протяженностью несколько десятков километров были найдены тела нескольких десятков убитых женщин; несколько раз трупы

обнаруживали буквально на одной и той же поляне. Весной 1995 года дачник из соседнего кооператива пошел в лес собирать березовый сок — между двух сосен увидел трупы двух девушек, которых родные искали уже несколько месяцев.

К объездной дороге примыкает ангарское городское кладбище — еще одно место, где совершались преступления: одну из своих жертв маньяк там сжег, других — бросал между могилами, даже не пытаясь спрятать тела.

Всего в Иркутской области маньяк убил не менее 80 человек.

В конце 1930-х руководство СССР решило построить в Восточной Сибири комбинат по производству искусственного жидкого топлива из угля, который добывали в Иркутской области. Реализацию идеи пришлось отложить из-за войны — и потом Ангарск звучно называли «рожденным Победой»: проект строительства нефтехимического завода, с которого начался город, был подписан в октябре 1945 года. Использовать для него собирались немецкое оборудование, которое поставлялось в СССР в качестве репараций.

Место специалисты выбрали быстро — правда, в густом сосновом бору в междуречье Ангары и Китоа располагались дачи и охотничьи угодья областного руководства. Поначалу местные начальники пытались сопротивляться, но архитекторы сумели провести свое решение через Москву. Вскоре здесь начали строить временное жилье для строителей комбината и города: сначала — казармы, бараки и землянки; потом — сборные финские домики на 50 квадратных метров, которые за круглую форму прозвали юртами. В каждой селили по четыре семьи — через фанерные стены все знали друг про друга всё, зато у каждого хозяйства была своя печь. В условиях сибирской зимы это было важно: инженер Евгений Радченко вспоминал, что иногда температура достигала минус 50 градусов,

и у приехавших из европейской части России девушек под капроновыми чулками до крови трескалась от мороза кожа.

Сталин регулярно интересовался строительством нового объекта стратегического значения, который приобрел особенную важность для страны после обострения отношений с крупнейшими поставщиками нефтепродуктов — Турцией и Ираном. Курировал создание завода лично Лаврентий Берия. Проект держали в секрете, несмотря на грандиозные размеры. В 1948 году для возведения промышленного комплекса и обслуживающего города было создано специальное стройуправление, в состав которого вошел исправительно-трудовой лагерь на 40 тысяч человек. В Ангарлаг приезжали этапы из Москвы, Украины, Казахстана и балтийских республик; просуществовал он до 1960-х годов — при этом вплоть до распада СССР в советской прессе главными строителями города называли «вчерашних фронтовиков», которые, вернувшись с войны, отправились застраивать Сибирь. На деле поднимали Ангарск осужденные за хищение нескольких килограммов зерна или подсолнечных семечек, за антисоветские анекдоты, заключенные инженеры, учителя школ и преподаватели институтов, а также обычные бандиты и жулики.

Первую улицу назвали Октябрьской, а первой сданной в эксплуатацию постройкой стало двухэтажное кирпичное здание со светлой отделкой фасада — именно с него началось создание облика будущего Ангарска как «светлого современного молодежного города». В 1949-м сдали первый жилой квартал — и в сентябре в первую городскую школу пошли учиться 700 детей.

В какой-то момент строителей-заключенных здесь было больше, чем обычных вольнонаемных рабочих. Сколько именно, достоверно неизвестно до сих пор: официальные источники говорят о 30 тысячах, независимые — о числах в два с половиной — три раза больше (доступ к документам, связанным с Ангарлагом,

и сейчас ограничен; некоторые из них засекречены). Заключенным финские юрты, разумеется, не полагались — жили друг у друга на головах в тесных бараках и землянках, обнесенных глухим деревянным забором с колючей проволокой. Зачастую не соблюдалась даже норма два квадратных метра на человека; в первое время не хватало еды, теплой одежды и обуви.

На стройплощадку (тоже за забором с колючей проволокой) рабочие приходили в сопровождении вооруженной охраны с собаками и уходили только через 10–12 часов. Как и в других советских лагерях, здесь «стимулировали» людей на работу, лишая их пищи: за невыполнение плана сокращали пайку, за перевыполнение — давали дополнительную порцию; кроме того, если заключенный выполнял норму, один рабочий день засчитывался за два или три дня срока. Когда очередной объект достраивали, забор с колючей проволокой снимали и переносили на следующий участок строительства; есть версия, что нумерация ангарских кварталов по-прежнему следует той, лагерьной системе учета. Несмотря на колоссальные размеры стройки, в городе пытались поддерживать режим секретности: выражение «Китойский исправительно-трудовой лагерь» было под запретом, вместо него говорили и писали п/я ВМ-16 или «учреждение», заключенных называли «спецконтингентом», «производственниками» и «рабочей силой», «изолятор» — «специальным помещением». Но освободившись из Китойлага, люди все равно разносили информацию о секретной стройке по всей стране.

До середины 1950-х трудовым лагерем руководил генерал-лейтенант КГБ Семен Бурдаков — говорили, что он прилюдно отчитывал начальников за злоупотребления, лично решал конфликты между группировками зэков, а освободившиеся арестанты, осевшие в Ангарске, приглашали его домой на застолья. Несколько лет назад ангарские чиновники предложили переименовать в честь Бурдакова улицу, назвав начальника лагеря «примером для всех первостроителей Ангарска», —

но после протестов правозащитного общества «Мемориал» от этой идеи отказались.

К началу 1950-х годов силами заключенных были построены и сданы в эксплуатацию сотни тысяч квадратных метров постоянного жилья, а также детсады, школы, столовые и магазины (когда после смерти Сталина провели большую амнистию, количество рабочих в Ангарске сильно сократилось, и, например, здание Дворца культуры из-за этого сдали в эксплуатацию на полгода позже запланированного). Поначалу предполагалось, что поселение рядом с заводом будет небольшим поселком городского типа — но уже в 1951-м Ангарск официально стал городом, и его активно начали заселять первые жители. Места им быстро стало не хватать, и в основном горожане обитали в коммуналках. Один из местных жителей, Юрий Братющенко, работал заместителем начальника политотдела управления лагерей и проводил в Ангарлаге спартакиаду, в которой две сотни заключенных принимали участие в турнирах по легкой атлетике, гимнастике, волейболу, футболу, поднятию гирь и городкам. Все прошло так успешно, что молодого организатора вызвали поделиться опытом на ведомственное совещание в Москву. Получив в Иркутске диплом историка, Братющенко с семьей уехал в Ленинград — и стал, возможно, главным специалистом по истории Ангарска.

Таких, как Братющенко, было много — со всей страны в Ангарск съезжались энергетики, химики, инженеры. Именно такие люди изображены на памятнике первостроителям, который в городе установили в 2017 году: трое мужчин и женщина одеты в военную форму, хотя в начале 1950-х в Ангарске куда более узнаваема была другая униформа, с опознавательным знаком «Б/К», в которой передвигались по улицам бесконвойные зэки. В середине 1950-х генплан Ангарска разработали в Ленинградском отделении «Горстройпроекта» — город даже называли «таежным» или «сибирским» Ленинградом: еще и потому,

что архитекторы старались максимально сохранить лесной массив вокруг города и даже внутри него. Некоторые здешние здания и правда похожи на Петербург: например, почтамт почти в точности копирует здание Адмиралтейства, Ангарские ворота — два одинаковых расположенных друг напротив друга жилых дома с колоннами, украшенными лепниной, — напоминают парадный вход Смольного, а в парке ДК нефтехимиков установлены гранитные львы.

Как часто бывало с большими проектами сталинских времен, изначальный план — производить на ангарском «Комбинате-16» моторное топливо на основе угля — быстро доказал свою неэффективность, и комплекс перепрофилировали под нефтепереработку. Вплоть до конца перестройки ангарский нефтеперерабатывающий комбинат наращивал мощности и превосходил по основным показателям заводы, расположенные в европейской части страны.

После смерти Сталина часть лагерных зон вокруг Ангарска была закрыта, и труд заключенных стал использоваться только на строительстве промышленных объектов. Впрочем, их было много: бурно развивающаяся промышленность требовала строительных материалов, поэтому, кроме нефтехимического и электролизного комбинатов, были построены цементный, кирпичный, гипсовый, керамический и известковый заводы, а также завод химических реактивов, деревоперерабатывающие комбинаты, гравийные и каменные карьеры.

В 1954-м город посетил Никита Хрущев вместе с министром обороны Николаем Булганиным и министром торговли Анастасом Микояном. Делегация выслушала доклад начальника комбината — вопросы задавал в основном Булганин, а генсек все время пил воду. Позже Хрущев повернулся к первому секретарю Иркутского обкома и сообщил, что всему виной местный омуль, которым его накормили, — а потом, произнеся небольшую речь об ускорении строительства, уехал с остальными в Иркутск.

Ангарск начал жить типичной жизнью развивающегося советского города эпохи послевоенного промышленного подъема. Газета «Знамя коммунизма» рапортовала о социалистическом соревновании строителей и монтажников, а также о перевыполнении плана по изготовлению арматуры. В городе запустили трамваи и ТЭЦ с самой мощной в Сибири турбиной. Строились и открывались школы, сады, магазины, новые кварталы и микрорайоны. В 1955 году местный журналист напомнил горожанам, что еще четыре года назад здесь «не было ни широких асфальтированных проспектов, ни шума города», зато сейчас «курсируют автобусы», «трудящиеся получают квартиры», увеличивается количество предприятий, «превращая молодой город в промышленный центр области».

К 1958 году население Ангарска достигло 134 тысяч человек. Горожане иногда жаловались на то, что строительство все-таки идет недостаточными темпами (например, затягивалось строительство кинотеатра), но в целом жизнь текла своим чередом. Новый город постепенно создавал собственные ритуалы: например, День Победы здесь праздновали маршем горожан и ветеранов по главным улицам города — в частности, по Московскому тракту, по которому в 1826-м шли закованные в цепи декабристы. Большим событием стало прибытие в Ангарск туристического поезда дружбы из Москвы в Иркутск — гостей, в программе которых было посещение Байкала и разных сибирских городов, встречали пионеры и оркестр. Появились в городе и свои легендарные персонажи: например, электромеханик Павел Курдюков, который собрал такую коллекцию уникальных часов, что незнакомые люди специально приходили к нему в гости, чтобы на нее посмотреть. В конце 1960-х Курдюков передал 700 экспонатов в Ангарский краеведческий музей и устроился туда хранителем; сегодня здесь работает единственный в России Музей часов, где есть, например, часы-паровоз, часы — паровой двигатель и часы-копилка.

Конечно, жизнь в городе не была совсем идиллической — еще и потому, что исправительно-трудовой лагерь никуда не делся: его отделения были просто преобразованы в колонии. Постепенно тюрьмы как будто окружили город: сейчас здесь находятся четыре исправительные колонии, следственный изолятор и воспитательная колония для несовершеннолетних. Как говорят ангарчане, начиная с советских времен бывшие заключенные, освободившись из колонии, оседали в городе: кто-то, пока сидел, успевал обзавестись в Ангарске семьей, другим было некуда больше ехать. Тюремная культура постепенно стала такой же обыденной частью здешней жизни, как заводская. «Вот называл [бывшего заключенного] кто-то “козлом” — чтобы не потерять свой авторитет, он за это должен взять ножик и тыкнуть этого человека, — объяснял один из моих собеседников. — В такой среде росло следующее поколение, которое со временем тоже попадало в колонию, — и все продолжалось».

В 1950-х годах большой резонанс получил процесс Терехова и Внукова — двух бывших заключенных, которые зверски убили и ограбили ангарчанина, сбросив труп в реку (обоих приговорили к расстрелу). В 1960-м бывший заключенный мужчина изнасиловал девочку-подростка — дочь женщины, с которой он жил в Ангарске после выхода из колонии. После суда мать жертвы стала доказывать, что дочь сама заманила мужчину в постель, и добивалась пересмотра уголовного дела. Про это даже хотели написать в «Комсомольской правде» — но тему журналистам «зарезали». Еще через несколько лет весь Ангарск был взбудоражен историей о побеге десяти человек из колонии строгого режима: заключенные спрятались в кузове хлебозавозки, запугав шофера. Их искали больше месяца — за это время они убили двоих мужчин, угнали мотоцикл, а также ограбили несколько магазинов и ларьков.

В последующие годы местные журналисты и общественники часто критиковали асоциальные элементы, тунеядство

и пьянство на работе: заметка «Рюмка — враг семьи» требовала создать на работе «такую обстановку, чтобы земля горела под ногами тех, кто дружит с зеленым змием». Категорическому осуждению подвергалась и теневая экономика — что, впрочем, не мешало ей в застойные времена процветать в Ангарске так же, как и по всей стране: шоферы использовали служебные автомобили в личных целях, таксуя у вокзалов; ремонтники чинили телевизоры и прочую технику в обход своих мастерских и так далее.

И тем не менее, судя по всему, жить в Ангарске в позднесоветское время было довольно комфортно, еще и потому, что город благодаря большому количеству важных для экономики страны предприятий находился на особом положении — на так называемом ленинградском обслуживании. В здешних магазинах чаще встречались дефицитные в Иркутске товары, а иркутяне целыми семьями ездили в Ангарск за покупками.

Лось, Хоккеист, Кузя и Тимоха

После распада СССР многим ангарским предприятиям пришлось закрыться — швейная фабрика, электромеханический завод, комплекс по переработке древесины и другие промышленные объекты перестали быть рентабельными и прекратили свое существование. Нефтехимический комбинат, на котором работали почти 20 тысяч человек, в разы сократил объемы производства и оказался на грани банкротства; некоторые из составлявших его заводов постепенно начали отделяться и формировать собственные акционерные общества. На тех предприятиях, что еще работали, месяцами задерживали зарплаты — в поисках источников выживания горожане гоняли иномарки на продажу, шили шапки из меха сурка или занимались частным извозом: многие жители Ангарска теперь предпочитали по вечерам ездить на такси, опасаясь нападения бандитов или наркозависимых. (Комбинат в итоге в 2000 году продали ЮКОСу, а сейчас компания входит в состав «Роснефти»; работают в ней 8 тысяч человек.)

Как и в других российских городах, травмированных рыночной экономикой, в 1990-х в Ангарске стало много алкоголя и наркотиков. Мои собеседники рассказывают, что в начале 1990-х в городе стали строить оптовые базы — оттуда развозили овощи, фрукты и другую продукцию по всей области. Так возник ангарский наркотрафик: в фурах с помидорами и яблоками из

Средней Азии в город завозили героин, который перепродавали ангарчанам люди из преступных группировок. В Ангарск за наркотиками ездили и жители близлежащих городов. Одним из самых распространенных в городе наркотиков была ханка — неочищенный опиоид с большим количеством примесей, вызывающий зависимость быстрее, чем героин. Подсаживались на ханку даже школьники. В 1996 году в Ангарске зарегистрировали первых двух ВИЧ-положительных; через четыре года их было уже 123 — и журналисты считали, что официальные данные преуменьшают реальность на порядок. Пили тоже много — все, что можно было пить, вплоть до спиртосодержащего средства «Чистый» и поддельной водки «Московская», которой в 1998 году отравились около 20 человек (пятеро умерли).

В условиях почти перманентной экономической депрессии и отсутствия рабочих мест Ангарск становился все более опасным — только за один 1997 год уровень преступности вырос на 36%, а по отношению к 1960-м преступлений стало больше в четыре раза. Драки, грабежи и убийства теперь были частью повседневной жизни. Как-то раз 30-летний ангарчанин вышел покурить в подъезд своего дома, сделал замечание «отдыхавшей» там компании — и получил нож в сердце. Нередко в криминал шли с самого детства — одиннадцатиклассники-фальшивомонетчики, распечатав 50-рублевую купюру на струйном принтере, пытались разменять ее на рынке; двух третьеклассников задержали за убийство пятилетнего мальчика; 13-летняя девушка рассказывала журналисту, что уже не первый год занимается проституцией.

Случались в городе и настоящие заказные убийства. В начале 1990-х выстрелом в упор прямо в рабочем кабинете была убита Мария Попова — старший инструктор ангарского филиала компании «Спортивные лотереи», которая много лет отвечала за то, чтобы деньги из лотерейных киосков попадали в банк. 20 миллионов рублей, лежащих в сейфе, не тронули; анонимный

источник, «облеченный властью», сообщил журналистам, что в городе «поделен каждый метр». Через некоторое время киллер ранил на лестничной площадке начальника ремонтно-эксплуатационного предприятия — тому удалось заползти обратно в свою квартиру, перевязать ногу телефонным шнуром и вызвать скорую.

Постепенно стало понятно, что в городе начались криминальные войны — преступные группировки, которые заполняли собой вакуум власти, особенно интересовались бизнесами, связанными с нефтью и горюче-смазочными материалами, а их здесь было много. На протяжении многих лет банды Ангарска — их было около десятка — регулярно вступали между собой в открытое противостояние, деля активы и зоны влияния. По словам моих собеседников, с 1990 по 2008 год в Ангарске ежедневно совершалось как минимум одно-два убийства. Бывало и так, что люди приезжали на стрелку и валили друг друга десятками. Поэтому оперативники и следователи буквально жили на работе: «Заканчиваешь дежурство, а где-то обнаруживают труп; только доехал, как сообщили уже о новом убийстве».

Справляться с такими объемами преступности было тяжело. Городской прокурор Игорь Мельников однажды заявил, что органы знают все точки наркоторговли в городе, вот только «брать» их не могут: «Железная дверь, окошечко, как в камерах, — не подберешься». К тому же сотрудники органов нередко и сами оказывались подозреваемыми или обвиняемыми. Действующие милиционеры безосновательно применяли насилие к нарушителям правил дорожного движения; а однажды, заподозрив инвалида третьей группы в том, что он пьян, задержали его, избили и бросили на пол камеры. Бывших силовиков и вовсе регулярно задерживали за вымогательство, избияния и кражи, а отставных руководителей органов правопорядка судили за передачу сведений о ходе следствия представителям организованных преступных группировок. Кончилось все тем,

что в начале 2000-х в Ангарске арестовали банду, которая нападала на водителей грузовиков под видом сотрудников ГИБДД: их останавливали на трассе и просили пройти в якобы служебную машину, после чего, надев на голову мешок, увозили в лес и бросали в глуши. Товар преступники забирали себе и продавали по поддельным накладным.

Главной бандой Иркутской области в 1990-х была Братская преступная группировка — ее участники контролировали крупные бизнесы региона: нефтефабрики, лесозаготовительные комбинаты, Братский алюминиевый завод. В 1991 году группировку возглавил Владимир «Тюрик» Тюрин, которого уже через два года торжественно короновали вором в законе в присутствии ключевых криминальных лидеров бывшего СССР: Вячеслава «Япончика» Иванькова, Аслана «Деда Хасана» Усояна и Захария «Шакро Молодого» Калашова. С тех пор, как принято считать, именно Тюрин назначает в Иркутской области «положенцев» — теневых мэров, которые курируют преступную инфраструктуру, и разрешает или запрещает заниматься тем или иным бизнесом. Значительную часть прибыли городские криминальные структуры отдают в общак — коллективный воровской бюджет, который тоже контролирует положенец, используя деньги для устранения проблем с властями или для личных нужд. В свою очередь региональные положенцы и воры платят со своих общаков «налог» в центр. После ареста Шакро Молодого в 2017 году именно выходца из Братска Владимира Тюрина начали называть вероятным новым главой всего российского преступного мира.

Ангарские группировки закономерно состояли из бывших заключенных, которых в городе было особенно много, и спортсменов. Одна из таких банд — «Квартал» — в середине 1990-х жестко конфликтовала с ОПГ «Казино». Тюрин и «смотрящий» области поддерживали именно «Казино» — и они в итоге победили: «квартальцев» перестреляли или посадили. Война была долгой: первая попытка посадить лидера «Квартала» Валерия

Тимошатов по прозвищу Тимоха в тюрьму в 1994 году закончилась неудачей (в том числе и потому, что статья об организации преступного сообщества отсутствовала в российском уголовном кодексе), а потом он сам выиграл иск о защите чести и достоинства и заставил милицееское руководство и журналистов извиняться за то, что они называли Тимоху «лидером преступной группировки».

Криминальная война буквально шла на улицах города. В 1998 году двое «квартильцев» (одному из них было 17 лет, другому — 18) расстреляли члена конкурирующей банды из обреза и пистолета; тот выжил, но получил инвалидность. Вскоре в другого участника «Казино», который следил за квартирой-офисом конкурентов, расстреляли целую обойму: у жертвы была кличка Хоккеист, у убийцы — Лось. Еще одного бандита из «Казино» похитили, выбили из него адреса лидеров банды, а потом задушили, завернули в брезент и скинули в Ангару. В ответ люди из «Казино» убивали людей из «Квартала» — а параллельно обе группировки занимались своим обычным бизнесом, вымогая деньги у коммерсантов. То, что город был поделен на сферы влияния, было известно абсолютно всем, как и то, что идти за защитой в милицию или прокуратуру смысла не было — ангарчанам приходилось договариваться с бандитами самим.

Однажды бизнесмен одолжил у лидера «Квартала» Дмитрия Левачева пять тысяч долларов и не смог отдать вовремя. За это бандиты его похитили и семь месяцев держали в заточении, подвергая пыткам: мужчине пробили голову, сломали руку, его прижигали сигаретами, ему вкалывали наркотики, метали в него ножи. Один из «охранников» пленника согласился передать его жене записку и даже организовал супругам свидание. Беременная женщина с двумя детьми на руках даже не пыталась обращаться в милицию — муж объяснил ей, что в рабство к бандитам может попасть вся семья.

Не меньшей жестокостью отличались и другие банды Ангарска, не принимавшие участия в конфликте «Квартала» и «Казино». Бывшие спортсмены и пожарные из ОПГ «Пожарники» убивали прямых конкурентов, а также поджигали или забрасывали гранатами бизнесы и дома тех, кто отказывался с ними сотрудничать, — например, в 2001 году избили железными трубами и проломили голову охраннику нефтехимического комбината, который не открыл ворота груженному ворованным металлом автомобилю, а однажды проломили голову оперуполномоченному Восточно-Сибирской оперативной таможни. Силовое крыло у «Пожарников» было особенно многочисленным — около 40 бойцов, и вскоре их начали привлекать для боевых операций лидеры Братской ОПГ: так банда получила славу самого дерзкого бандформирования региона и обзавелась покровителями в Москве.

После победы над «Кварталом» положенцем Ангарска был назначен лидер банды «Казино» по кличке Кузя. Вступление в должность состоялось на сходке в кафе «Золотой дракон» и запомнилось тем, что один из авторитетных гостей из Иркутска ударил по лицу предыдущего положенца, передав ему, что это пощечина от Бати, то есть от Тюрина (тот был недоволен «беспределом» в городе — убийствами, происходившими без санкции криминальных лидеров).

В 2000 году одного из лидеров «Квартала», Тимоху, все-таки приговорили к 14 годам тюрьмы, признав виновным в рэке и угрозах физической расправой тем, кто отказывался от «крыши». Вскоре начался суд над другими руководителями ОПГ. Процессы шли непросто: свидетели и потерпевшие в последний момент отказывались от своих показаний, опасаясь за свою жизнь и безопасность. Жена замученного бизнесмена тоже отказалась от своих показаний после того, как накануне заседания к ее сыну на улице подошел незнакомый мужчина и пригрозил матери расправой, если она выступит в суде. В итоге суд решили закрыть от публики, а свидетелей допрашивали по аудиосвязи из

специальной комнаты, не называя фамилий. В 2002 году члены банды получили длительные тюремные сроки — а уже через год Валерий «Тимоха» Тимошатов вышел на свободу условно-досрочно по состоянию здоровья.

Тюремная медицинская комиссия нашла у Тимошатова хронический насморк, тугоухость, затрудненное мочеиспускание, проблемы с сетчаткой глаза, а также нарушение функций головного и спинного мозга, прогрессирующую энцефалопатию и эпилептический синдром. Все это не помешало лидеру «Квартала» попытаться вернуть себе власть в городе. Он хотел встретиться с Тюриным, но получил отказ. Вскоре в Москве был убит ближайший сподвижник Тюрина, «смотрящий» по Иркутской области, а в сентябре 2003 года в столице убили и самого Тимошатова, когда он с женой и дочкой возвращался ночью домой в новый жилой комплекс в Новых Черемушках.

Тогда же, в 2003 году, в банду «Пожарников» внедрился оперативный сотрудник. Через несколько месяцев семерых членов ОПГ арестовали, а других объявили в розыск: один из лидеров «Пожарников», изменив внешность и получив поддельные документы скрывался от следствия семь лет и был задержан на квартире любовницы только в 2011-м; другой — по кличке Кокаин — и вовсе находился в розыске больше десяти лет. Еще три человека не пойманы до сих пор.

Так или иначе, постепенно открытого криминального насилия все-таки начало становиться меньше. Многие бандиты постепенно переводили свою деятельность в легальное поле — Кузя, передав свой титул положенца коллеге по «Казино», учредил компанию по торговле нефтью и крупнейший в городе торговый дом; бывшая банда «Дроби» переквалифицировалась в охранный агентствo и службу коллекторов. В середине 2000-х вчерашние криминальные лидеры вполне официально и законно участвовали в управлении или владели акциями крупных предприятий. В том же 2003 году представитель ангарского управления МВД

уверял читателей газеты «Время» (теперь «Знамя коммунизма» называлось так), что преступность в городе пошла на спад, да и вообще — цифры по Ангарску гораздо ниже, чем в соседних Иркутске и Братске.

Жертвами преступлений в Ангарске 1990-х нередко становились и женщины — а убивали их не всегда бандиты из организованных группировок: не меньшей кровожадностью отличались и мелкие банды.

В 1995 году Игорь Стариков, бывший водитель в милиции, уже успевший к тому времени прогулять квартиру, которую ему купил отец, выпивал с приятелем — и узнал, что у одной из его соседок в квартире якобы хранятся три тысячи долларов (для Сибири в те годы — огромные деньги). Стариков предложил своему брату похитить женщину и ограбить ее. Жертва оказалась психологом колонии для несовершеннолетних — как выяснили братья, каждый день в семь утра она отводила детей в сад, а потом на служебном автобусе ехала на работу. Ранним мартовским утром Стариковы подкараулили Ольгу Новикову возле остановки, оглушили, увезли в лес и начали допытываться, «где баксы». Та долго клялась, что денег у нее нет, и умоляла отпустить, обещая найти нужную братьям сумму. Через несколько часов Стариковы сказали женщине, что она может идти, — но, когда она чуть отошла от них по лесной тропинке, Дмитрий ударил Новикову ножом в спину и убил. Стариковы поехали на квартиру женщины, обыскивали ее несколько часов, но денег так и не обнаружили — оказалось, что приятель Игоря имел в виду совсем другую женщину. Тело Ольги Новиковой обнаружили в лесу через неделю.

Вскоре Стариковы стали подходить к выбору жертв серьезнее — они решили по объявлениям в газете находить людей, которые собираются разменивать квартиру с доплатой. Так

братья вышли на семью Шульгиных — в апреле 1996 года они убили Евгения Шульгина, его жену и их 14-летнего сына, снова не получив никаких денег (нужную для покупки квартиры сумму должен был одолжить начальник Шульгина, но в последний момент не смог). Младший сын возвращался из магазина и остался жив — бандиты столкнулись с ним в подъезде, но не знали, что он имеет отношение к Шульгиным. Впрочем, раскрыть убийство не помог даже составленный мальчиком фоторобот. Еще через год братья Стариковы втерлись в доверие к супругам Красноперовым, убедив, что помогут продать квартиру, — а потом убили в лесу и забрали деньги. Дальше были перегонщик иномарок Юрий Волынкин, его жена и пятилетний сын — их всех Стариковы застрелили, забрав из квартиры драгоценности.

Всего в 1996–1998 годах Стариковы убили не меньше 11 человек. Когда братьев задержали, у них нашли папку, в которой они вели учет всем жертвам и награбленному добру. В 2001 году обоих братьев приговорили к пожизненному заключению.

На этом фоне тот факт, что в какой-то момент в середине 1990-х в прилегающей к Ангарску лесополосе начали регулярно находить тела женщин, изнасилованных и убитых с особой жестокостью, первое время милицию никак не настораживал. Трупы в городе находили постоянно; избить и убить могли за то, что человек просто зашел в чужой район; и про женщин тоже думали, что они оказались жертвами криминальных разборок или отдельных бандитов.

Зимой 1998 года возле села Большая Елань нашли тела двух двадцатилетних девушек со следами насильственной смерти. Спустя всего несколько недель прокуратура отчиталась о задержании убийц — ими оказались два деревенских парня. Их держали в СИЗО несколько месяцев, пока не обнаружили тело следующей жертвы с похожими повреждениями: рубленые или колотые раны головы, рук, шеи и груди.

Вскоре у милиции появились и подозреваемые — банда азербайджанца Этигада Рзаева. Убивать они начали в апреле 1999 года: первой жертвой стал нелегальный мигрант, который привез с собой в Россию крупную сумму, затем Рзаев с племянником и подельниками стали регулярно нападать на людей, у которых, как они полагали, могли водиться деньги. Несколько преступлений банда совершала как раз на трассе рядом с Ангарском. В ноябре 2000 года Рзаев с тремя сообщниками, один из которых оделся милиционером, убедили остановиться машину, в которой ехали несколько торговцев-челноков; одну из пассажиров Рзаев избивал, пока она не отдала ему деньги.

Зимой 2002 года банда на той же трассе убила двух водителей «Жигулей», чтобы потом продать их машины. Затем (там же, на дороге) расправилась с женщиной, которая продавала наркотики и, как думал Рзаев, хранила дома крупную сумму денег. Еще через несколько месяцев в лес неподалеку от Ангарска Рзаев отвез труп своей гражданской жены Маргариты Заболоцкой — та окончательно собралась уйти от него, после того как Рзаев при ней убил выстрелом в лицо другого члена банды, с которой у женщины была связь.

Рзаева с подельниками задержали после очередного разбойного нападения в октябре 2002 года — и в итоге признали виновными в 13 убийствах. Женщин, изнасилованных и убитых в придорожном лесу, в обвинении не было — быстро стало понятно, что у банды Рзаева совсем другой почерк.

К моменту, когда Рзаева с подельниками поймали, в городе уже ходила история об ангарском маньяке — о нем вовсю писали журналисты. В сентябре 2000 года газета «Время» предлагала «объявить общегородскую охоту на этого изверга»: «Если мы не поможем сегодня его поймать, то завтра или через год жертвой этой сволочи может оказаться и дочь криминального авторитета, и жена крутого предпринимателя, и сестра простого обывателя». Охоты не случилось — и вскоре заметки о новых жертвах стали

чуть ли не регулярной рубрикой во «Времени». Постепенно слухи о маньяке начали выходить за пределы города — в 2002 году о них писала уже «Комсомольская правда», указывая почему-то, что убийца рубит жертв, которых, по подсчетам автора, было уже больше сорока, чем-то вроде «тонкого меча ниндзя».

Подозрения следствия о том, что в убийствах виноват Рзаев, не подтвердились. Трупы женщин продолжили находить в приангарских лесах и после того, как его банду арестовали.

Практик с ученой степенью

29 августа 1998 года дома у выпускницы кулинарного училища Веры Рыбаковой собралась большая компания. Сидели шумно, громко играла музыка; соседка, которая в тот вечер поздно вернулась с работы и укладывала ребенка, даже сделала им замечание — пора расходиться.

Вере в тот год исполнилось 22 года, а жила она вместе с мамой Надеждой Хмелевой на первом этаже двухэтажного дома в центре Ангарска, недалеко от отделения милиции. Надежда живет здесь и сейчас: темный коридор, зал с сервантом и расстеленным диваном-кроватью, кухня, где громко работает телевизор, и почти пустая комната дочери, куда Хмелева в последние годы почти не заходит. «Мне все говорили: “Ой, Надя, у тебя такая дочка симпатичная”. Как сглазили!» — говорит она, показывая фотографии из альбома: вот Вера заканчивает детский сад, вот стоит, наряженная, возле новогодней елки, вот гуляет с большой дворнягой (собак и кошек мама с дочкой то и дело подбирали с улицы), а вот уже совсем взрослая позирует для группового портрета с друзьями, которые были с ней в тот вечер.

Пока дочь училась в школе и училище, Надежда Хмелева работала то на нефтекомбинате, то в торговле, а потом устроилась в столовую — в кулинарное Вера поступила отчасти по стопам матери, хотя до того мечтала быть воспитательницей в детском саду. «Прежде чем сварить вермишель, она ее жарила, — рассказывает Хмелева о любимом блюде

дочери. — Я с нее хохотала, а она говорила, что макароны нужно сначала обжарить, чтобы они не распадались». Еще Вера любила делать прически всем желающим — благодаря чему ее мама каждый день ходила на работу с новой укладкой. «Бывает, придешь домой в 12 часов ночи, а она Стасика стрижет, — вспоминает Хмелева. — Спрошу у нее: “А что это у нас Стасик так поздно дома делает?” А она мне: “Ну, мама, пока тети Наташи дома нет, я его подстригу!”»

Соседка Лена — та самая, что просила друзей вести себя потише, — вспоминает, что Вера «постоянно смеялась» (во дворе ее еще называли «зажигалкой») и нянчилась с маленьким сыном Лены, будто старшая сестра: забирала из детского сада, учила с ним таблицу умножения. «Бросит ему мяч и говорит: “Дважды два?” А он должен его поймать и сказать — “Четыре”, и так пока все не выучит, — рассказывает Елена. — Она же еще совсем ребенком была — обеспеченным, нормальным ребенком. Надя Вере ни в чем не отказывала: она ходила в кожаных куртках, у нее было что поесть, где спать». Другие знакомые девушки говорили о ней по-разному: одни называли Веру «спокойным, уравновешенным и общительным человеком», другие — «гулящей» и «ведущей паразитический образ жизни».

Тогда, в августе 1998-го, около полуночи у друзей закончилось спиртное, и Вера вместе с одним из парней решили сходить в ларек, расположенный неподалеку, — купить еще. Там они ненадолго потеряли друг друга из виду, а когда знакомый Рыбаковой уже расплатился и собирался идти обратно, то увидел, как она садится в какой-то автомобиль и уезжает. Вернувшись, он рассказал об этом остальным — те подумали, что девушка просто встретила знакомого.

Вера и правда знала водителя: он жил с семьей в соседнем доме, и она регулярно встречала их во дворе. Перед тем, как девушка села к нему в машину, мужчина предложил ей выпить, и она согласилась. Спустя 15 лет убийца скажет, что Рыбакова

часто злоупотребляла спиртным и наркотиками (двоюродный брат Веры тоже упоминал об этом, уточняя, впрочем, что девушка прошла курс реабилитации), вступала в «беспорядочные половые связи», из-за чего он считал ее «безнравственной и аморальной», и поэтому решил убить — в том числе в наказание другим женщинам.

После того, как они заехали в ночной киоск за алкоголем, водитель повез Веру в лесной массив за кладбищем «Березовая роща». Там он вытащил ее из машины и стал бить топором по голове, телу и рукам.

Девушка умерла той же ночью от многочисленных рубленых ран головы, повреждений черепа и мозга. Ее руки и кисти тоже были в глубоких рубленых ранах. Некоторые пальцы висели на лоскутках кожи — видимо, она пыталась закрыться от ударов руками. Тело нашли на следующий день случайные прохожие. Вера лежала лицом вниз на дорожке, которая шла вдоль бетонного забора у кладбища: черные брюки расстегнуты, на порванной белой кофте-сеточке, задранной вверх, — бурые пятна крови.

«Вот зачем ему надо было рубить ее? Ну, что он, не мог по-другому, что ли, как-то? — говорит мать Веры. — Мне сказали потом, что он не стал ее насиловать, потому что у нее ноги были грязные».

Другие подробности исчезновения дочери Хмелева 20 лет спустя, по ее словам, помнит плохо. В материалах уголовного дела говорится, что она в день убийства отбывала наказание в исправительном учреждении. Сейчас Надежда об этом не упоминает — но вспоминает разговор с другом дочери, который ходил вместе с ней в ларек: тот, узнав, что Вера так и не пришла домой, якобы попросил передать ей, что он обиделся, и ушел домой. «Она же большая уже была, не маленький ребенок, — объясняет женщина, почему не хватилась дочери. — Думала, может, она у друзей где-нибудь или к моим брату или

сестре уехала. Что с ней случилось, мы поняли, когда уже по телевизору показали — на третий день».

«После смерти Веры ее друзья часто окликали меня в городе, кричали мне: “Вера! Вера”. Я спрашивала: “Что, так похожа?” — “Ну, сзади да”, — продолжает Хмелева. — Сначала они мне о ней напоминали, потом напоминали, когда в прокуратуру вызывали — там меня до невроза доводили. Сейчас вы пришли, и, как только ее имя назвали, у меня сразу же лихорадка началась — и это несмотря на то, что столько лет уже прошло».

Кроме матери и соседки о Вере постоянно вспоминает еще один человек. Надежда называет его не по имени, а «Веркиным женихом». Он уже много лет живет и работает в Америке, но почти на каждый родительский день присылает Хмелевой розы — чтобы она отнесла их на могилу дочери.

К моменту убийства Веры Рыбаковой власти Ангарска уже начали понимать, что женщин в городе убивают систематически. В 1998 году прокурор Иркутской области Анатолий Мерзляков поручил отправить в Ангарск следователя транспортной прокуратуры Николая Китаева — «оказывать консультативно-методическую помощь» в расследовании убийств женщин на сексуальной почве. Выбор был неслучайным — Китаев к тому времени уже был известен как один из главных в России специалистов по серийным убийцам. Он стал первым, кто изучил более десятка убийств женщин и объединил их в одно производство — позже оно станет известно как дело ангарского маньяка.

У Китаева несколько высших образований: юридическое, психологическое и журналистское; он также прошел полный курс оперативно-разыскной деятельности, а еще — защитил кандидатскую диссертацию «Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство» и написал сотни статей по криминалистике. «Теоретиком я себя не